

—

При виде внезапно появившегося Хо Шу сердце Таоюя ёкнуло, и он невольно тайком взглянул на дом семьи Юй за спиной, почему-то испытывая вину, будто его застали на месте преступления.

Словно боясь, что его неправильно поймут, он поспешно сказал: «Снаружи сильно бушуют бандиты, даже Юй Линсяо столкнулся с ними, и ему сломали руку. Брат Хо, ты знаешь об этом?»

Хо Шу поднялся с дерева, взглянул на Таоюя. Его лицо не изменилось, глаза не покраснели, и он не выглядел расстроенным.

Только тогда Хо Шу спросил: «Ты ходил к нему на осмотр?»

Не успел Таоюй ответить, как Цзи Янцзун первым сказал: «Семья Юй боялась выйти и наткнуться на бандитов, поэтому они попросили Сяо Таоцзы сначала пойти посмотреть. Его мать пошла с ним. В конце концов, это люди из одной деревни, хоть и без родственных связей, но надо же знать, что случилось».

Хуан Маньцин подняла брови, посмотрев на них.

Другой человек ничего не сказал, а эти двое уже торопливо объяснялись.

Хо Шу кивнул и не стал спрашивать, что случилось с Юй Линсяо.

Цзи Янцзун вдруг сказал: «Маньцин, вы с Сяо Таоцзы идите домой первыми. Я хочу поговорить с Хо Шу».

«Ладно».

Хуан Маньцин ответила: «Сяо Таоцзы, идём домой».

Таоюй моргнул, глядя на Хо Шу: «Тогда я пойду».

Хо Шу кивнул.

Увидев, как мать с Таоюем удалились, Цзи Янцзун пошёл вперёд, заложив руки за спину, а Хо Шу молчаливо последовал за ним.

Они бесцельно шли, и, убедившись, что вокруг никого нет, Цзи Янцзун поколебался, а затем спросил: «С этим делом Юй Линсяо, это...»

Цзи Янцзун осторожно задал вопрос, терзавший его. Он всё время чувствовал, что с Юй Линсяо что-то слишком странное, и раньше Хо Шу говорил ему какие-то непонятные вещи.

Всё это заставило его заподозрить неладное.

Хо Шу был безразличен. Он не стал прямо отвечать ни «да», ни «нет», только сказал: «Его будущее не разрушено, но такой характер приведёт к ещё большим проблемам».

Цзи Янцзун увидел подтверждение своим догадкам, его глаза расширились, а по спине пробежал холодок. Он не мог не опасаться методов Хо Шу.

Но то, что он сказал, было правдой: Юй Линсяо был всего лишь цзюйжэнем, но уже использовал такие грязные методы. Если бы он действительно пошёл по пути чиновничества и получил власть, то, несомненно, стал бы ещё более коварным.

Тогда ему было бы легко навредить семье Цзи.

В более широком смысле, если такой человек станет чиновником, на что тогда надеяться простым людям?

«Но ты слишком смелый! В конце концов, он цзюйжэнь с титулом, малейшая неосторожность может обернуться для тебя бедой!»

Цзи Янцзун почувствовал страх, опасаясь, что Юй Линсяо раскроет дело, и тогда Хо Шу не сможет избежать наказания.

В конце концов, это было дело семьи Цзи, и Хо Шу мог бы вообще не вмешиваться. Цзи Янцзун прекрасно понимал, почему он это сделал.

Он был благодарен Хо Шу за то, что тот ради семьи Цзи пошёл на такие меры, чтобы устранить потенциальную угрозу, но также боялся, что эти действия навредят ему.

«Мне незачем драться с беспомощным учёным».

Если бы он действительно взялся за дело, то это была бы не просто рука, а жизнь.

Однако, решив жить спокойной жизнью, он, конечно, не стал бы рисковать, пачкать руки в крови и тем самым навлекать на себя неприятности.

«Староста, не беспокойтесь, это действительно дело рук бандитов, я лишь способствовал этому».

Развитие событий дошло до этого, чего он тоже не ожидал.

В эти дни разговоры о бандитах вызывали тревогу. Семья Цзи должна была доставить налоги и зерно в город, и он специально отправился разведать передвижения бандитов в округе, чтобы избежать проблем.

Однако, разведав, он обнаружил, что большинство бандитов всё ещё находятся далеко от города Тунчжоу и избегают преследований.

Только несколько одиноких бандитов действовали в деревнях недалеко от Тунчжоу, время от времени создавая проблемы, чтобы отвлечь внимание властей от преследования.

Хо Шу обнаружил нескольких бандитов, действующих между городом Тунчжоу и деревней Минсюнь. Как раз тогда Юй Линсяо отправился в город, и Хо Шу подумал, что этот парень, навредив другим, всё ещё живёт в свое удовольствие и даже собирается покупать недвижимость в городе.

Он давно хотел преподать этому парню урок, изначально хотел начать с семьи Сюэ, но тут подвернулся такой случай, и он воспользовался этим, чтобы распространить информацию о том, что у него при себе много денег.

Эти бандиты и так собирались устроить переполох, поэтому быстро клюнули на наживку.

Большинство бандитов на этот раз были пострадавшими крестьянами, и их главной целью были деньги и зерно. Если бы не крайний конфликт, они бы не убивали людей.

Кто бы мог подумать, что бандит ударит Юй Линсяо палкой, а тот не потеряет сознание, а схватившись за голову, испуганно закричит: «Вы смеете нападать на цзюйжэня, как вы смелы! Вы все попадёте в тюрьму!»

Однако бандит, услышав это, не только не испугался, но, наоборот, разозлился, нанёс ему сильный удар, оглушил, а затем избил.

«Цзюйжэнь! Тьфу, я больше всего ненавижу таких учёных, которые только и умеют, что читать книги мудрецов, жадных и коварных, угнетающих народ, ничего не делающих, только наслаждающихся хорошей жизнью».

«Мы умираем от усталости на земле, но не получаем ни малейшего сочувствия. Урожай плохой из-за стихийных бедствий, а они ещё и обвиняют крестьян в лени, всячески их притесняя! Если бы не эти господа, мы бы не оказались в такой ситуации».

«Сломайте ему руку, посмотрим, как он и дальше будет высокомерным!»

Цзи Янцзун слушал, как его сердце колотилось, но, узнав, что Хо Шу не вмешивался, вздохнул с облегчением.

Императорский двор на протяжении многих лет был коррумпирован, а цзюйжэни и незадачливые чиновники внизу копировали их поведение, используя свои полномочия для защиты торговцев, поглощая земли и безмерно угнетая крестьян и арендаторов. Жалобы становились всё громче.

Неудивительно, что было столько обид. Юй Линсяо действительно не повезло, ведь именно на него выплеснулся гнев бандитов.

Он вздохнул, но не выразил сочувствия. Для него это была хорошая возможность осознать, что разрушение чьей-то репутации равносильно разрушению его будущего.

Цзи Янцзун долго молчал, затем предостерег Хо Шу: «Об этом знаем только ты и я, и с этого момента ты никогда не должен рассказывать об этом другим. Пусть это останется в твоём животе».

Хо Шу кивнул.

Известие о несчастье семьи Юй быстро распространилось по деревне.

Правая рука Юй Линсяо была сломана, и несколько врачей из города не смогли помочь ему. Было неизбежно, что он станет калекой.

Сунь Юаньнян жаловалась, что семья Юй слишком поздно обратилась за медицинской помощью, что привело к потере лучшего времени для лечения, и кричала, что больше никогда не будет покровительствовать членам семьи Юй.

Члены семьи Юй, видя, что дом в городе, на который они совместно пожертвовали деньги, не был куплен, а деньги были разграблены, и видя, как Сунь Юаньнян кричит, также требовали от неё вернуть деньги.

Несколько семей, не обращая внимания на приличия, ежедневно громко ссорились и ругались, так что крики были слышны на расстоянии двух ли.

Сунь Юаньнян, словно сумасшедшая, несколько раз дралась с невестками.

Деревенские жители, однако, были рады видеть, как семья Юй грызётся между собой, и многие говорили, что на этот раз Юй Линсяо пожинает плоды своих деяний: он перешёл реку и

сжѐг мосты, навредив благодетелям, и то, что его будущее было разрушено, было полностью по воле небес.

Дело продолжалось без остановки и довольно долго.

Юй Линсяо каждый день лежал в постели, принимая лекарства и меняя повязки, растрѐпанный и с потухшим взглядом. За несколько дней он так похудел, что его лицо ввалилось, и он стал похож на иссохшего человека.

Он всё ещё не мог поверить, что в одночасье стал калекой, всё произошло так внезапно.

Правая рука была изуродована, а это означало, что он больше не мог писать и заниматься литературой, и больше не мог сдавать экзамены.

Даже если бы у него был титул цзюйжэня, ему понадобилось бы время, чтобы получить официальную должность, но он не мог быть чиновником из-за своей инвалидности.

Он был полностью лишѐн возможности сделать карьеру, и каждый раз, когда он думал об этом, его грудь пронзала нестерпимая боль.

Он просчитал всё, но не ожидал, что однажды его карьера будет разрушена из-за инвалидности, и это вовсе не потому, что он недостаточно усердно учился или его талант уступал другим.

«Линсяо, ты хоть что-нибудь поешь, главное — здоровье. Даже если...»

Сунь Юаньнян плакала и днѐм, и ночью, а также ссорилась с членами семьи Юй, поэтому её лицо тоже было жѐлтым и исхудавшим, но по сравнению с Юй Линсяо, лежащим в постели, она, по крайней мере, могла ходить и двигаться.

«Как бы там ни было, ты всё равно цзюйжэнь. Если хорошо вести дела, то тоже можно разбогатеть и процветать».

Юй Линсяо оттолкнул кашу, которую ему поднесли: «Какая польза от такой изувеченной жизни!»

Сунь Юаньнян, увидев рассыпанную кашу, испугалась и поспешно достала платок, чтобы убрать: «Линсяо, если ты умрѐшь, то и я умру вместе с тобой!»

«Мама, почему я? Почему я?»

Юй Линсяо с покрасневшими глазами спросил Сунь Юаньян: «Почему бандиты причинили вред именно мне, а не другим? Они ведь обычные люди, а я цзюйжэнь!»

«Я же сказал, что я цзюйжэнь, а они всё равно осмелились нанести такой удар. Мама, ты думаешь, кто-то завидует и сделал это специально?»

«Да, должно быть, так, кто-то определённо завидует мне!»

Юй Линсяо, словно найдя выход для своей злости, внезапно сел в постели: «Нет, я пойду искать господина Сюэ, пусть он заступится за меня!»

Сунь Юаньян, глядя на сына, который словно сошёл с ума, была одновременно напугана и опечалена.

«Линсяо, сейчас тебе нужно хорошо восстанавливаться».

«Нет, я пойду к господину Сюэ, пусть он заступится за меня!»

Юй Линсяо настоял на поездке в город, чтобы подать жалобу, и Сунь Юаньян, не сумев его отговорить, пришлось нанять повозку, чтобы поехать в город.

Мать и сын не пошли в префектуру, а сразу направились в резиденцию Сюэ.

Привратник резиденции Сюэ дремал, сложив руки, и, услышав стук в ворота, открыл глаза и вдруг увидел двух измождённых мать и сына, пришедших просить милостыню. Он тут же отругал их:

«Идите, идите, попрошайничайте на другой стороне улицы. Вы что, даже не знаете, где вы?».

«Сяо У, это я».

Когда Юй Линсяо заговорил, привратник узнал его.

«О, это господин Юй, какая глупость! Мои глаза...»

Юй Линсяо часто бывал в резиденции Сюэ, и привратник знал его.

Но прежде, когда он приходил, он был красивым учёным, а сегодня он был бледен, и его рука была на перевязи. Даже самый невнимательный человек понял бы, что что-то случилось.

«Господин Юй, что случилось?»

«Что-то произошло, пожалуйста, передайте, что мы хотим увидеться с господином Сюэ».

Привратник поспешно вошёл в резиденцию, чтобы передать сообщение, и вскоре Юй Линсяо был вызван на встречу.

Сунь Юаньнян пригласили подождать в гостиной. Она впервые оказалась в резиденции Сюэ, и огромный особняк с павильонами, террасами, искусственными горами и ручьями ослеплял её.

Величественная резиденция чиновника внушала ей почтение, но в сердце её поднимался вздох.

«Ох! Линсяо, что с тобой случилось?»

Сюэ Яньшэн сам был озабочен проблемами бандитов, и, услышав сообщение привратника, не хотел принимать посетителей. Однако, узнав, что у Юй Линсяо срочное дело, и вспомнив их давние отношения, он всё же разрешил ему войти.

Внезапно увидев человека с измождённым, как бумага, лицом, Сюэ Яньшэн был очень удивлён.

«Учитель, вы обязательно должны заступиться за своего ученика!»

Юй Линсяо, увидев Сюэ Яньшэна, даже не потрудился поклониться и тут же со слезами начал жаловаться: «Я потерял сознание по дороге в город, а когда очнулся, у меня не только украли деньги, но ещё и избили и бросили в глуши. Если бы не добрый человек, который отвёз меня обратно, у меня бы больше не было возможности отблагодарить вас, учитель».

Сюэ Яньшэн, услышав это, напрягся: «Ты встретил бандитов на нашей территории? Как смело! Эти отчаявшиеся головорезы осмелились даже нападать на безоружных учёных, это просто бесчеловечно!»

«Я не видел истинного лица разбойников, лишь смутно различил половину закрытого лица».

Юй Линсяо сказал: «Неизвестно, были ли это бандиты или кто-то нанял их, прошу учителя заступиться за меня!»

«Раз уж даже на моего ученика посмели поднять руку, я обязательно добьюсь справедливости для тебя».

Сказав это, Сюэ Яньшэн взглянул на руку Юй Линсяо: «Твоя рана серьёзна? Я попрошу

домашнего врача осмотреть тебя, ты так похудел!»

Юй Линсяо, услышав это, немного поколебался и сказал:

«Спасибо, учитель, за заботу. Моя рука в порядке, просто смещён сустав, врач уже осмотрел, и через несколько дней всё будет хорошо».

Сюэ Яньшэн слегка нахмурился: «Ну что ж, главное, чтобы ты хорошо заботился о своём теле. Сейчас Чжифу озабочен проблемами бандитов в округе, и мне нужно активно ему помогать. Я, конечно, пошлю людей, чтобы они занимались твоим делом и обязательно добьются справедливости».

«Ты сначала возвращайся и хорошенько отдохни».

Юй Линсяо, видя, что Сюэ Яньшэн по-прежнему относится к нему так же доброжелательно, как и прежде, немного расслабился: «Да».

Не успели мать и сын Юй уйти, как Сюэ Яньшэн сразу же послал людей выяснить, кто из городских врачей осматривал Юй Линсяо.

«Господин, если вы беспокоитесь о господине Юй, почему бы не позволить врачу из вашей резиденции осмотреть его? Зачем тратить столько сил на выяснение, кто из городских врачей его лечил? В городе много врачей, как его найти?»

«Он не позволил врачу из резиденции осмотреть себя. Судя по его виду, травма очень серьёзная. Хотя в городе много врачей, но тех, кто хорошо лечит кости, всего несколько, и это не займёт много времени».

Сюэ Яньшэн тяжело вздохнул: «Время смут, ни одного приятного события. Судя по его состоянию, боюсь, он не сможет участвовать в весенних экзаменах в следующем году».

«Тогда как же быть с госпожой...»

Сюэ Яньшэн не ответил.

К ночи люди, отправленные Сюэ Яньшэном, вернулись с новостями.

Услышав диагноз, принесённый слугой, Сюэ Яньшэн дважды глубоко вздохнул, и его брови сильно нахмурились.

Затем послышался звук разбившейся чашки.

Сюэ Ханьсюэ, собиравшаяся пойти поприветствовать отца, сильно испугалась: «Папа, что случилось!»

Сюэ Яньшэн, увидев вошедшую дочь, унял гнев.

«Впредь ты не должна больше общаться с Юй Линсяо».

«Почему?»

Сюэ Ханьсюэ недоуменно подошла к Сюэ Яньшэну: «Разве брат Линсяо сделал что-то, что рассердило папу?»

«Я слышала от слуг, что сегодня брат Линсяо приходил в дом и, кажется, был ранен. Что вообще произошло?»

Говоря об этом, Сюэ Яньшэн снова разгневался: «Теперь он калека, и если ты будешь продолжать с ним общаться, это только испортит твою оставшуюся жизнь».

«Ч-что...»

Сюэ Ханьсюэ, внезапно получив такую ужасную новость, недоверчиво отступила на два шага: «Как же так, рука изувечена? Кто посмел так дерзко напасть на цзюйжэня!»

«Говорят, это сделали бандиты, которые бушуют снаружи, но он настаивает, что кто-то намеренно навредил ему, и сегодня он пришёл, чтобы я, старый человек, заступился за него».

Сюэ Яньшэн покачал головой: «Я изначально думал, что он не сможет участвовать в весенних экзаменах этого года, но теперь он вообще не сможет сдавать экзамены».

«Папа...»

В конце концов, это была влюблённая девушка, и сердце Сюэ Ханьсюэ невольно сжалось от боли: «Может быть, ты сможешь брату Линсяо? Он так талантлив».

«Во время смут нет смысла тратить силы на бесполезного человека».

Сюэ Яньшэн также сожалел. Юй Линсяо действительно был талантлив, иначе среди обычных цзюйжэней он не стал бы обращать особое внимание на того, кто был из скромной семьи, и позволять своей единственной дочери общаться с ним.

«Он такой разочаровывающий. Независимо от того, были ли это бандиты или кто-то намеренно

сделал это, он теперь бесполезен. У него нет ни малейшей осторожности или способности защитить себя. Даже если бы он когда-нибудь стал чиновником, он бы ничего не достиг».

Видя, что его дочь пребывает в замешательстве, он предостерёг её: «Не забывай, что он уже был помолвлен, но все еще хотел связаться с кем-то другим. Хотя это обычное дело для учёных, и цензоры не будут вмешиваться, но это всё равно нехорошо. Раньше, видя его многообещающее будущее, я мог закрыть на это глаза и позволить ему самому разобраться с делами. Но теперь он совершенно не подходит тебе».

«Твой дед уже написал письмо, и в министерстве кадров всё улажено. После окончания моего срока я смогу вернуться в столицу. Ты с детства была с отцом в провинции и не знаешь, сколько талантливых и красивых людей из знатных семей в столице. Тогда семья найдёт тебе нового мужа, и это будет только лучше».

Сюэ Ханьсюэ, услышав это, открыла рот, но больше ничего не сказала.

Однако Юй Линсяо понятия не имел, что его наставник, который, как он думал, хорошо к нему относился, примет решение так быстро и вышвырнет его за шахматную доску.

Он восстанавливался дома, ждал и ждал, но ничего не получал, и его сердце было беспокойно.

Думая, что что-то не так, даже если учитель обладал большими способностями, он не стал расспрашивать его о деталях нападения, так как он мог найти виновника.

Подумав, он снова отправился к дому, но, к своему удивлению, больше не смог увидеться с Сюэ Яньшэном.

Мало того, даже Сюэ Ханьсюэ, которая обычно любила выходить из дома и развлекаться, больше не появлялась, и отношение привратника семьи Сюэ становилось всё более враждебным, почти доходя до рукоприкладства.

Только тогда Юй Линсяо понял, что семья Сюэ уже от него отказалась.

В этот момент Юй Линсяо был в отчаянии, чувствуя, что вся надежда потеряна. Старые раны усугубили новые болезни, и он слёг, не в силах подняться.

Другие семьи ежедневно приходили и требовали денег, и в доме не было ни дня покоя.

Цзи Янцзун, видя такое положение семьи Юй, внутри себя радовался. Хотя у него и была вражда с Юй Линсяо и его матерью, как староста деревни, он должен был дать им совет.

Но у него не было на это времени. Он собрал крепких мужчин из деревни и, узнав от Хо Шу,

что бандиты не представляют большой угрозы, приготовился отправить зерно в город.

Ближе к концу года проблема с бандитами вспыхнула снова. Многим семьям в деревне и за ее пределами пришлось забить свой скот. Кто-то оставил их себе, кто-то продал за деньги к Новому году, а кто-то хотел иметь немного денег, чтобы защитить себя. В общем, в этом году было больше семей, желающих забить скот, чем в предыдущие годы.

Хо Шу бегал по округе и был занят вместе с мясником Цяо. Часто бывало, что одна семья утром, а другая — после обеда.

«Хо Шу, ты так быстро учишься, сколько времени прошло, а ты уже ловко работаешь, прямо как настоящий мастер».

Мясник Цяо достал из корзины кусок мяса для Хо Шу и весело сказал: «Смотри, это от старика Чжана, специально попросил передать тебе. Говорит, что ты хорошо поработал!»

Обычно крестьяне, нанимавшие мясника забить скот, помимо оплаты, давали мясо, если считали, что он хорошо поработал, чтобы выразить свою благодарность.

В последнее время мясник Цяо брал Хо Шу с собой на забой, и крестьяне не только дарили мясо ему, учителю, но и отдельно давали Хо Шу.

Мясник Цяо тоже был рад этому.

Хо Шу взял мясо: «Мастер, вы слишком вежливы».

Мясник Цяо снова сказал: «Я не вежлив с тобой и не говорю тебе приятные слова, я знаю, как ты работаешь».

«Через пару дней мне нужно будет поехать к тестю в уезд Наньюй. Он нездоров, и моя жена беспокоится, хочет взять детей и поехать навестить его. А бандиты ещё не успокоились, мне нужно будет отвезти её».

«Пока меня не будет, дела по забою скота я оставляю тебе. Городскую лавку я оставил на присмотр Фан Хэ, хоть он и неуклюж, но, к счастью, сообразителен».

Хо Шу сказал: «Мастер, не беспокойтесь, если кому-то понадобится, я сам пойду».

Мясник Цяо удовлетворённо кивнул: «Хорошо, сегодня мы много работали, ты тоже устал, иди домой. Я найду к старосте и поговорю с ним».

—

«Занятой человек, как же ты нашел время прийти ко мне сегодня?»

Когда мясник Цяо прибыл в семью Цзи, Цзи Янцзун только что вернулся домой, оповестив сильных мужчин в деревне о доставке зерна в город.

Он налил себе чашку чая под навесом и собирался выпить, как увидел пришедшего гостя.

«Даже если занят, это лишь мелочи в моей семье. Староста занят всеми делами деревни, вот это настоящая занятость».

«Ладно, ладно, не будем льстить друг другу».

Цзи Янцзун позвал Таоюя принести свежего чая.

«Пришёл по делу?»

Мясник Цяо сел под навесом и сказал: «Снаружи бандиты сильно бушуют, а мой тесть, к несчастью, заболел. Жена и дети хотят поехать навестить его, и мне нужно их сопроводить».

«Когда? Насколько я помню, твой тесть живёт в уезде Наньюй. Сейчас нужно быть осторожным».

«Именно потому, что я беспокоюсь отпускать жену и детей одних, я и еду с ними».

Цзи Янцзун кивнул: «Сейчас у тебя самый разгар дел, тебе трудно отлучиться, но тесть серьёзно болен, нужно его навестить».

«Мастер Цяо, выпейте чаю».

Мясник Цяо поспешно взял чай, принесённый Таоюем, и с улыбкой поблагодарил.

Затем он сказал Цзи Янцзуну: «Я пришёл специально, чтобы сообщить об этом. Я должен был помочь деревне с доставкой налогового зерна в город, но так уж вышло, что не смогу».

«Ничего страшного, болезнь родственника можно понять».

«И ещё кое-что. После моего отъезда я оставляю дела по забою скота в деревне своему ученику. Ты помоги сообщить об этом всем».

Цзи Янцзун, услышав это, открыл глаза: «Ты говоришь о Хо Шу?»

«Он же всего несколько дней с тобой, а ты уже доверяешь ему все дела?»

Таоюй собирался войти в дом, но, услышав, как мясник Цяо заговорил о Хо Шу, повернулся и пошёл к недавно высушенной одежде, тайком прислушиваясь к разговору двух мужчин.

«Этот Хо Шу способный парень! Не недооценивай его, я почти ничему не учил, а он справляется с этой работой очень ловко».

Мясник Цяо с большой гордостью сказал: «Я брал его на забой скота, и люди уже дарят ему мясо. Когда я уеду, можешь спокойно просить деревенских звать его, он справится!»

Таоюй прищурился. Это правда или ложь?

Он помнил, как кто-то в первый же день обучения порезал себе руку и жаловался, что у него неуклюжие руки.

«Это потому, что ты хорошо учил».

Цзи Янцзун, видя такую похвалу от мясника Цяо, который сам был придирчивым человеком, тоже рассмеялся.

Мясник Цяо махнул рукой: «Хорошо, что ты его порекомендовал».

«Позволь мне сказать тебе кое-что от всего сердца. Я думаю, этот Хо Шу, хоть и кажется немного неприступным, но человек хороший».

Мясник Цяо понизил голос и сказал: «Моя вторая дочь уже не молода, а её мать хочет найти для нее семью в городе. Но в городе много семей, и у большинства из них высокие стандарты. Они слишком придирчивы к тому и этому, и они не так хороши, как мужчины в деревне».

«Хо Шу хоть и не имеет собственности, но он умеет работать, и в будущем я отдам ему свою лавку. Если это дело будет кому передать, то моё сердце будет спокойно. Времена сейчас плохие, даже в Тунчжоу беспокойно. Кто знает, что будет дальше, возможно, именно такой, как Хо Шу, и будет надёжным».

Улыбка на лице Цзи Янцзуна тут же исчезла.

Он кашлянул и неловко сказал: «Всё верно. Но я думаю, что дела детей должны зависеть от их желания. Хотя есть родительская воля и сватовство, но если ребёнок не хочет, то всё будет

напрасно».

«Дети ещё малы, они не умеют разбираться в людях и делах, они выбирают того, кто хорошо говорит и умеет ухаживать, и думают, что это правильно, совершенно не понимая, что такое характер. А вот те, кто молчалив, более надёжны, но им приходится страдать от того, что они мало говорят и не умеют выражать свои мысли. Если родители не определяют за детей и позволяют им поступать как попало, разве это не испортит им всю жизнь?»

Цзи Янцзун изобразил улыбку: «Тоже не лишено смысла».

Таоюй, стоявший сбоку, поджал губы, потер пальцами уголок своей одежды и нахмурился.

Железный котёл вдруг стал ароматной булочкой*.

[*Фраза описывает ситуацию, когда что-то, что раньше не имело никакой ценности или не привлекало внимания, вдруг стало очень желанным и востребованным.]

—

<http://bllate.org/book/14480/1281192>